

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

Х. И. Гейдарова

*Институт языкознания имени Насими
Национальной академии наук Азербайджана*

Поступила в редакцию 21 мая 2012 г.

Аннотация: в статье дан анализ термина «грамматические омонимы» и рассмотрен синтаксический способ отражения принципа грамматических омонимов в «Азербайджанско-русском словаре». Данный принцип оценивается автором как способ решения вопроса морфологического несоответствия между неродственными языками – азербайджанским и русским – основанный на критериях русской грамматики. Он актуален для перевода исследуемых единиц на русский язык. По мнению автора, приведенные в статье примеры оптимальны для решения данного вопроса.

Ключевые слова: грамматические омонимы, словарная статья, атрибутизация, субстантивация, определение, определительное словосочетание.

Abstract: the article analyses the term «grammatical homonyms» and considers the syntactic way of describing grammatical homonyms in «The Azerbaijani-Russian dictionary». The principle of grammatical homonyms is based on the principles of Russian grammar. It serves as a solution to the problem of morphological discrepancy between unrelated languages – Azerbaijani and Russian. The principle is applied to the translation of Azerbaijani grammatical homonyms into Russian. The examples illustrate the main theoretical points.

Key words: grammatical homonyms, an entry, attribution, substantivation, definition, an attributive word combination.

Составленный и переизданный в Бакинском славянском университете четырехтомный «Азербайджанско-русский словарь» под редакцией М. Тагиева отличается богатством словаря, содержательностью словарных статей (данный словарь является переводным с элементами толкового словаря), подачей и точностью перевода лексических единиц. С учетом когнитивной функции он является образцом азербайджанской лексикографии. Подача грамматических вариантов с помощью иллюстративного материала (синтаксических конструкций и словосочетаний) помогает пользователям словаря переводить слова в соответствии с нормами языка, что позволяет высоко оценивать научную значимость данного лексикографического труда.

Не умаляя достоинств данного двуязычного словаря, следует обозначить и некоторые недочеты, касающиеся фиксации определенной группы лексических единиц в части их грамматической характеристики. Отметим, что в словаре общеупотребительные и малоупотребительные имена существительные расчленены на разные грамматические классы и в пределах разных частей словарной статьи снабжены римскими цифрами.

В своей статье «Роль синтаксических позиций в оценке грамматической и лексико-семантической

сущности слов» профессор М. М. Тагиев расценивает атрибутизацию существительных и субстантивацию прилагательных в азербайджанском языке как грамматическую омонимию. Ученый считает, что подобные слова «должны содержать указание на грамматическую омонимию и отражаться в структуре словарной статьи» [1, с. 7]. Например:

Badminton I *сущ.* бадминтон: 1. Спортивная игра, заключающаяся в перебрасывании волана через сетку при помощи ракеток; 2. Набор принадлежностей для такой игры; **II** *прил.* Бадминтонный, -ая, -ое [2, с. 207, т. I].

О термине «грамматические омонимы»

Применяя принцип грамматических омонимов в своем двуязычном словаре, М. Т. Тагиев основывался на следующих теоретических положениях академика В. В. Виноградова: «грамматическая омонимия, находящая свое внешнее выражение только в различиях синтаксических функций, очень часто не приводит к распаду слова на омонимы, на разные слова» [3, с. 31].

Грамматические омонимы отдельными исследователями толковались по-разному, при этом создавались разные термины-дубликаты. Так, например, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой грамматические омонимы и омоформы выделяются в отдельный вид.

Их определяют как «слова, совпадающие в своем звучании лишь в отдельных формах (той же части речи или разных частей речи). Например, *вожу* (от водить) – *вожу* (от возить) и *лечу* (от лететь) – *лечу* (от лечить)» [4, с. 177]. Из примеров очевидно, что грамматические омонимы выражают различные значения.

Примерами омоформ являются приведенные в «Лингвистической энциклопедии» лексемы с разными значениями: *bağlar* (от глаг. *bağ*) – «связывать» и *bağlar* (от сущ. *bağ*) – «сады» [5, с. 35]. В справочном «Толковом словаре лингвистических терминов» омоформы и морфологические омонимы выделяются в один вид и определяются как «омонимичная форма слов; слова, совпадающие в своем звучании в определенных формах. *Birdən* qapı açıldı (*Вдруг* дверь открылась) – İki *birdən* çoxdur (*Два* больше *одного*)» [6, с. 206]. Слово *birdən* в обоих примерах употреблено с суффиксом. Эти слова относятся к разным частям речи и выражают различные значения.

В пособии «Азербайджанский язык», предназначенном для подготовки абитуриентов, омоформы и грамматические омонимы различаются. Указывается, что омоформы, омофоны и омографы – это разные формы омонимии. Они лишь внешне похожи на лексические омонимы, но таковыми не являются. В отличие от лексических омонимов, грамматические омонимы относятся к разным частям речи. Из приведенных в пособии примеров очевидно, что грамматические омонимы являются наименованиями разных понятий [7, с. 46]. Автор «Словаря омонимов и омоформ русского языка» Ю. Н. Гребенева дает следующую дефиницию интересующего нас термина: «Грамматические омонимы относятся к разным частям речи, одинаковы по звучанию и письму, с различными лексическими значениями, например: *зря*¹ (деепр.; *видя*) и *зря*² (нареч.; *напрасно*)» [8, с. 5].

Таким образом, в отличие от лексических омонимов, грамматические омонимы относятся к разным частям речи, при этом имеют одинаковое звучание и разные лексические значения, тогда как грамматические омонимы в «Азербайджанско-русском словаре» отличаются лишь своей отнесенностью к разным частям речи.

Употребляемые в разных частях речи и совпадающие по написанию и произношению этимологически родственные слова Ю. Н. Гребенева называет функциональными омонимами. Например: *приезжий*¹ (прил.; *такой, который приехал*) и *приезжий*² (сущ.; *тот, кто приехал*) [8, с. 6].

Анализ представленных в словаре этимологически схожих омонимов с позиции синтаксических норм азербайджанского языка (вне зависимости от того, грамматические это омонимы или функциональные) показывает, что такая подача не оправдана. Например, *gəmiqaldırma* (подъем судна) – сложное существительное, выступающее в позиции первого компонента определительного словосочетания второго типа (*gəmiqaldırma işləri* «*судоподъемные работы*»), вступает в грамматическую связь примыкания со вторым компонентом словосочетания, но при этом в соответствии с грамматическими нормами азербайджанского языка остается существительным. На русский язык оно переводится как имя прилагательное: *gəmiqaldırma işləri* – *судоподъемные работы*. В исследуемом нами двуязычном словаре лексические единицы подобного порядка снабжены пометой *прил.* (прилагательное) и римскими цифрами, являющимися показателями грамматических омонимов. При этом в обоих случаях лексическое и грамматическое значения слова *gəmiqaldırma* и подобных ему слов не меняются.

Изменение значения грамматических омонимов наблюдается при переходе прямого значения слова в переносное, что нельзя считать основанием для выделения их как омонимов. Например, метафоризируясь, слово *baş* приобретает значение «основа, глава». В этом случае оно переводится на русский язык как прилагательное. Профессор М. Т. Тагиев не соглашается с тем, что в «Толковом словаре азербайджанского языка» это слово вначале дается как существительное, а в 12, 13 и 14-м значениях – как прилагательное. Ученый считает, что подобную грамматическую расчлененность следует отразить в структуре словарной статьи. В противном случае слово относится к существительному и, будучи существительным, одновременно является прилагательным [5, с. 8–9]. Это высказывание совершенно обосновано, ибо в сочетаниях *baş mühəndis* (*главный инженер*), *baş həkim* (*главный врач*) слово *baş* является метафорой, выраженной именем существительным [9, с. 133], оно обозначает должность. Являясь первой частью определительного словосочетания второго типа, оно атрибутируется и становится определением. Следует помнить, что если в русском языке маркером прилагательных являются принимаемые ими суффиксы, то «в азербайджанском языке, при определении прилагательного основываются, с одной стороны, на значениях, с другой стороны – на функции и наличии степени сравнения» [там же, с. 64]. Простые прилагательные азербайджанского языка не имеют аффиксов, от других частей речи их отличает наличие степеней сравнения, а, поскольку слово *baş* не имеет степеней сравнения, следовательно, оно не может считаться прилагательным.

Определительные словосочетания первого типа

В двуязычном азербайджанско-русском словаре [2] довольно часто встречаются слова, выступающие первым компонентом определительного словосоче-

тания первого типа. Они подаются как прилагательные, например:

Ağac I *сущ.* 1. Дерево; 2. Палка; 3. Древесина (строительный материал); 4. Мера длины; II *прил.* 1. Деревянный. *Ağac körpü* – деревянный мост; 2. Палочный. *Ağac hasar* – палочная изгородь [2, с. 49, т. I].

В подобных словосочетаниях у леммы **ağac** нет показателя грамматико-морфологических признаков. Первая сторона этих сочетаний носит атрибутивный, а вторая – субстантивный характер. Между этими сторонами отсутствует грамматическая связь, но имеется логическая связь. «В отличие от русского языка, в азербайджанском языке определение связывается с определяемым путем примыкания и, попадая в зависимое положение, не может подвергнуться морфологическим изменениям» [10, с. 131].

«Вторая сторона определительного словосочетания первого типа выражается, как обычно, существительными, или же субстантивированными словами, а первая – существительными, прилагательными, числительными, некоторыми местоимениями и причастиями» [11, с. 51]. Выступая в роли определения, первая сторона может быть принята за прилагательное из-за присущего ей атрибутивного характера. Известно, что в русском языке определение обычно выражается прилагательным или причастием, в азербайджанском же языке «части речи непосредственно или же опосредованно, атрибутируясь, могут выступать в роли определения» [там же, с. 160]. Например:

böyük (прил.) *qaşiq* – большая ложка;
taxta (сущ.) *qaşiq* – деревянная ложка;
dəmir (сущ.) *qaşiq* – железная ложка;
bir (числ.) *qaşiq* – одна ложка;
bu (указ. местоим.) *qaşiq* – эта ложка.

Первый компонент подобных азербайджанских сочетаний является определением и относится к различным частям речи. Определения, выраженные именами числительными, существительными, сочетаниями послелогов (употребляясь после имен существительных и местоимений, выполняют функцию русского предлога), местоимениями, а также словосочетаниями, определения второго и третьего типов нельзя считать прилагательными. Если в рассмотренных выше примерах определение, выраженное числительным, указывает на количество, прилагательное – на признак и качество, а местоимение – на что-то, то определение, выраженное именем существительным, указывает на материал, из которого сделан предмет. В азербайджанском языке определения, выраженные существительными, определяют основную часть значений в отношении материального состава, звания, титула, социального положения, национального происхождения, рода и т.п.

Обращение к трудам профессора М. Т. Тагиева позволило нам ознакомиться с его позицией по вопросу классификации частей речи в азербайджанском

языке. Мы обнаружили, что М. Т. Тагиев подходил к позиций русской грамматики и высказанные им суждения зачастую касались переводческого аспекта. Вместе с тем он опирался и на мнения ведущих советских тюркологов и соглашался с мнением профессора Н. К. Дмитриева о частях речи в тюркских языках. В частности, о транспозиции частей речи в турецком языке ученый писал: «Одно и то же слово, которое в изоляции имеет семантику прилагательного, в определенном контексте функционирует как наречие и т.д. Иными словами, в турецком языке имеются целые группы слов, которые по существу не вмещаются в рамки одной какой-нибудь части речи, а представляют какие-то переходные величины между двумя или даже тремя категориями» [1, с. 8].

На наш взгляд, проф. Н. К. Дмитриев прав лишь отчасти. Из цитаты очевидно, что она относится к частям речи в турецком языке, а исследуемый нами азербайджанский язык входит в тюркскую языковую семью. Во всех частях речи азербайджанского языка наблюдается тождественность форм. Например, атрибутизация имен существительных, субстантивация прилагательных, формальное сходство некоторых наречий образа действия с прилагательными (прилагательным-наречием), наречий места – с именами существительными, некоторых количественных наречий – с числительными (числительным-наречием). Соответственно, для верной классификации азербайджанских частей речи следует обращать внимание на лексическое и грамматическое значения слова, а также его синтаксическую роль. Именно «синтаксическая роль частей речи тюркских языков вызвала полемику по поводу таких понятий, как прилагательное-наречие, существительное-местоимение, существительное-прилагательное-наречие, существительное-послелог» [6, с. 197].

М. Т. Тагиев не затрагивал вопросов, касающихся грамматических законов азербайджанского языка, форм проявления семантической и грамматической связей, приводящих к образованию словосочетаний и предложений. В «Толковом словаре лингвистических терминов» М. И. Адилова, З. Н. Вердиевой, Ф. М. Агаевой указывается на специфику азербайджанского и русского прилагательного: «В каждом языке прилагательные совершенно разные и по специальной грамматической категории, и по морфологической структуре. В русском языке специальными грамматическими категориями прилагательного являются число и падеж, а в азербайджанском языке прилагательное не имеет специальных категорий, присущих существительному» [6, с. 196].

Определительные словосочетания второго типа

В том же четырехтомном азербайджанско-русском словаре [2] азербайджанские существительные

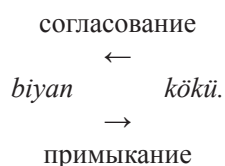

подаются как грамматические омонимы, т.е. в двух словарных статьях существительного и прилагательного. Обратимся к некоторым из них, например:

Qala I *суц.* 1. Крепость. *Alınmaz qala* – неприступная крепость; 2. Башня. *Şəhər qalaları* – городские башни; *Qız qalası* – Девичья башня; 3. Тюрьма. *Qalaya salmaq* – посадить в тюрьму; 4. Перен. Твердыня, оплот, цитадель. *İnqilabın qalası* – цитадель революции, *sülhün qalası* – оплот мира; **II** *прил.* 1. Крепостной. *Qala divarları* – крепостные стены; 2. Башенный. *Qala saati* – башенные часы; 3. Тюремный. *Qala rejimi* – тюремный режим [2, с. 20, т. III].

Biyan I *суц.* бот. Лакричник, лакрица, солодка – многолетнее растение из семейства бобовых, корни которого используются в промышленности и медицине. *Acı biyan* горький лакричник, *şirin biyan* обыкновенный лакричник; **II** *прил.* Лакричный, солодковый. *Biyan kökü* солодковый корень [2, с. 330, т. I].

Лексемы *qala* и *biyan* как компоненты определенных словосочетаний второго типа *qala divarları*, *qala saati* и *qala rejimi*, *biyan kökü* в «Толковом словаре азербайджанского языка» представлены в качестве существительных. На наш взгляд, нельзя смешивать относительные прилагательные русского языка, образованные от существительных, с азербайджанскими существительными, которые являются зависимой стороной определительных словосочетаний. В именном словосочетании *biyan kökü* основная часть – *kök+ü* (*ü* – аффикс принадлежности), а зависимая – *biyan*. Стороны этого определительного словосочетания второго типа связаны взаимно-подчинительной связью. Вторая сторона с аффиксом принадлежности подчинена первой части с согласовательной связью. В то же время первая сторона стоит в неопределенном родительном падеже, а потому связь со второй стороной по типу примыкания:

Именно по этой причине мы соглашаемся со следующим мнением авторов вузовского учебника по стилистике современного азербайджанского языка: «Средства выражения компонентов такого типа словосочетаний ограничены. Обе стороны в основном выражены именами существительными. Слова, относящиеся к другим частям речи, субстантивируясь, выступают как существительные: *ellər gözəli*, “*beş*” *arzusu* və s.» [11, с. 49].

По законам синтаксиса азербайджанского языка компоненты определительного словосочетания второго типа при синтаксическом разборе предложения не расчленяются, а выступают одним членом предложения. Нельзя добавить между ними другое слово.

Если бы мы согласились с мнением М. Т. Тагиева, что первый компонент данного словосочетания является прилагательным, то стороны этого сочетания, так же, как в определительном сочетании первого типа, делились бы на члены предложения. При этом первая сторона должна была выступать в роли определения. Однако сочетания *biyan kökü* и *dağ-tundra zonası* разделить на члены предложения не представляется возможным.

Оптимальное, на наш взгляд, решение для второго типа азербайджанского определительного словосочетания дано в четырехтомном «Русско-азербайджанском словаре» под редакцией профессора А. А. Оруджева [12]. Морфологическое несоответствие между двумя языками нашло свое решение передачей синтаксической конструкции словосочетания. Например:

Лингвистика *суц. ж. мн. нет* *dilçilik*, *dilşünaslıq*.

Лингвистический *прил.* 1. *dilçilik -i (-i)*; *лингвистическое исследование* *dilçilik tədqiqatı*; 2. *dil -i (-i)*; *лингвистические явления* *dil hadisələri*.

Dilçilik -i (-i) – это синтаксическая конструкция определительного словосочетания второго типа, *dilçilik* + существительное с аффиксом принадлежности *-i (-i)*. Так как аффикс принадлежности в 3 л. ед. ч. имеет четыре формы, то он должен писаться ~ (-i)⁴. Обозначенную синтаксическую конструкцию второго типа определительных словосочетаний было бы целесообразно применить и в других переводных (двуязычных) словарях азербайджанского языка. Из этой конструкции следует, что русский вариант (*лингвистический*) – прилагательное, а азербайджанский (*dilçilik*) – существительное.

М. Т. Тагиев указывает, что словосочетания типа *ana məhəbbəti* и *ananın məhəbbəti* должны переводиться на русский язык по-разному: *ana məhəbbəti* – материнская любовь (а не любовь матери), *ananın məhəbbəti* – любовь матери (а не материнская любовь). Он отмечает, что второе сочетание отличается от первого большей конкретностью, соотносительностью с конкретным означаемым. Тагиев отмечает, что здесь имеется двусторонняя связь главного и зависимого компонентов – имен существительных [1, с. 12].

И в данном случае, выступая с позиций русского языка, лексикограф не говорит о том, к каким видам относятся рассматриваемые сочетания в азербайджанском языке и какую позицию занимают определительные словосочетания в семасиологии азербайджанского языка. Следует отметить, что *ana məhəbbəti* относится ко второму типу, а *ananın məhəbbəti* к третьему типу определительных словосочетаний. В «Семасиологии азербайджанского языка» указано, что второй тип определительного словосочетания

отличается конкретностью, а третий тип – точностью. Конкретно значимые сочетания выражают самые различные значения, а точно значимые слова обозначают общность (значение принадлежности). Определительные словосочетания второго типа не дают обобщающего значения, и потому они называются «лексическими сочетаниями». Сочетание *ana məhəbbəti*, относящееся ко второму типу определительного словосочетания, многозначно: а) любовь детей к своей матери; б) специфическая любовь, присущая матери; в) любовь матери к своему ребенку. Для предотвращения подобной расплывчатости и разнообразия в значениях и приобретения точности в современном языке художественной литературы часто прибегают к разным способам, например, *ana həssaslığı* (материнская чуткость) – “*Anaya məxsus bir həssaslıqla sezdi*” (Почувствовала с чуткостью, присущей только матери) [14, с. 289]. А сочетание *ananın məhəbbəti* имеет точное значение, так как оно относится к третьему типу определительного словосочетания. Из примеров следует, что слова, выступающие в роли зависимого компонента определительного словосочетания второго типа, нельзя отнести к прилагательным.

Сказанное выше позволяет нам указать на следующие недочеты в принципе подачи грамматических омонимов в «Азербайджанско-русском словаре» под редакцией М. Т. Тагиева.

1. Имена существительные, которые переводятся на русский язык как прилагательные, в азербайджанском варианте не подвергаются морфологическому расщеплению.

2. Простые прилагательные азербайджанского языка не имеют морфологических признаков. Наличие у них степеней сравнения отличает их от других частей речи (в основном, от существительных).

3. Азербайджанские имена существительные, выступающие в позиции зависимого компонента определительного словосочетания первого типа, являются сочетаниями типа *существительное + существительное*. Атрибутируясь, они выступают в роли определения, однако при этом не могут считаться прилагательными, ибо не принимают признаков определяющих прилагательное (речь о суффиксах и степенях сравнения).

4. Стороны определительного словосочетания второго типа связаны взаимно-подчинительной связью. Вторая сторона с аффиксом принадлежности подчинена первой части с согласовательной связью.

В то же время первая сторона стоит в неопределенном родительном падеже, а потому связь со второй стороной осуществляется по типу примыкания. Слова в таких синтаксических позициях выступают как единый член предложения. По своим морфологическим и синтаксическим признакам они не могут считаться прилагательными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тагиев М. Т. Роль синтаксических позиций в оценке грамматической и лексико-семантической сущности слов (на материале русского и азербайджанского языков) / М. Т. Тагиев // *Azərbaycan SSR Ali və Orta İxtisas Təhsili Nazirliyi ali məktəblərinin Elmi Əsərləri*. – Seriya XII, № 3. 1978-ci il.

2. *Azərbaycanca-rusca lüğət. Dörd cildə*. – Bakı : Şərq-Qərb, 2006. – 896 səh.

3. *Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике* / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 360 с.

4. *Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя* / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

5. *Dilçilik ensiklopediyası / II cild (dərs vəsaiti) prof. F. Veysəllinin redaktəsi ilə*. – Bakı : Mütərcim, 2008. – 528 səh.

6. *Adilov M. İ. İzahlı dilçilik terminləri (sorgu lüğəti), Azərbaycan dilində* / M. İ. Adilov, Z. N. Verdiyeva, F. M. Ağayeva. – Bakı : Maarif, 1989. – 364 səh.

7. *Azərbaycan dili (qəbul imtahanlarına hazırlaşanlar, yuxarı sinif şagirdləri və müəllimlər üçün vəsait)*. – Bakı : Abituriyent, 2010. – 646 səh.

8. *Гребенева Ю. Н. Словарь омонимов и омоформ русского языка* / Ю. Н. Гребенева. – М. : Айрис-Пресс, 2008. – 351 с.

9. *Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. III hissə : Morfologiya* / M. Hüseynzadə. – Bakı : Şərq-Qərb, 2007. – 280 səh.

10. *Kazımov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis* / Q. Ş. Kazımov. – Bakı : Azpoliqraf LTD : MMC, 2004. – 496 səh.

11. *Abdullayev Ə. Z. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. IV hissə : Ali məktəblər üçün dərslik* / Ə. Z. Abdullayev, Y. M. Seyidov, A. Q. Həsənov. – Bakı : Maarif, 1985. – 468 səh.

12. *Rusca-azərbaycanca lüğət. 4 cildlik. Azərbaycan sovet ensiklopediyasının baş redaksiyası*. – Bakı, 1991.

13. *Verdiyeva Z. Azərbaycan dilinin semasiologiyası. “Maarif” nəşriyyatı* / Z. Verdiyeva, F. Ağzıyeva, M. Adilov. – Bakı, 1979. – 306 s.

Институт языкознания имени Насими Национальной академии наук Азербайджана

Гейдарова Х. И., младший научный сотрудник

E-mail: heyderova73@mail.ru

Тел.: +994703581717

Institute of Linguistics named after Nasimi of the Azerbaijan National Academy of Sciences

Heydarova Kh. I., Junior Research Assistant

E-mail: heyderova73@mail.ru

Tel.: +99470358171